

Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям**Часть 2***© Зеленов Е.И.^{a,b}, Солощева М.А.^{a,c}, 2022^a НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия^b ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com^c ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Резюме. Статья представляет собой продолжение исследования китайско-африканских отношений в контексте теории зависимого развития. Авторы выделяют две основных цели китайской политики в Африке: во-первых, удовлетворить насущные потребности быстро растущей экономики КНР, и, во-вторых, сформировать прокитайский панафриканский двухуровневый блок государств. На первом, базовом уровне, речь идет о *государствах-партнерах*; на втором, более высоком уровне, - о *странах-последователях* Китая, которые в целом разделяли бы китайское видение глобального мироустройства.

Ставя задачу подвергнуть 54 суверенных африканских страны анализу на функциональную геополитическую роль, экономическую и культурную важность каждой африканской страны для Китая, авторы статьи разработали методику данного анализа. Речь идет о формировании 5 групп факторов, именуемых «измерениями влияния»: геополитическое, торгово-экономическое, финансово-инвестиционное, военное и культурно-идеологическое измерения. В статье приводится сводная матрица измерения влияния, обобщающая информацию пяти вышеназванных таблиц. Итоговая матрица влияния позволяет выстроить 54 африканских государства по степени их важности во внешней политике КНР.

Приведенные в статье выводы не только фиксируют положение, сложившееся де-факто на данный момент, но и позволяют сделать научно обоснованные выводы о будущем китайско-африканских отношений.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, Африка, зависимое развитие, рейтинг африканских стран, китайско-африканские отношения

Для цитирования: Зеленов Е.И., Солощева М.А. Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 14-25. DOI: 10.31857/S032150750021323-7

China in Africa: from partner countries to follower countries. Part 2© Evgeny I. Zelenev^{a,b}, Maria A. Soloshcheva^{a,c}, 2022^a HSE University, Saint-Petersburg, Russia^b ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com^c ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Abstract. The article is a continuation of the study of Sino-African relations in the context of the theory of dependent development. The authors of the article identify two main goals of Chinese policy in Africa: to meet the urgent needs of the rapidly growing economy of the People's Republic of China, and to form a pro-Chinese pan-African two-level bloc of states - at the first, basic level, we are talking about partner countries, at the second, higher level - about the follower countries of China which would generally share the Chinese vision of the global world order. The authors of the article developed a methodology by setting the task of analyzing the functional geopolitical role, economic and cultural importance of each African country for China of 54 sovereign African countries.

We are talking about the formation of five groups of factors called dimensions of influence: geopolitical, trade and economic, financial and investment, military and cultural and ideological dimensions. In the course of the study, the authors compiled five summary tables referred to in the article as matrices of influence, each of which includes information about all 54 sovereign states of Africa. At the end of the article, a general matrix of influence is provided, summarizing the information of the five above-mentioned tables. The final matrix of influence makes it possible to range 54 African states according to the degree of their importance in the foreign policy of the People's Republic of China.

The authors emphasize the objectivist nature of the results obtained, without taking into account the subjective factor of the personal relations of the heads of African states with the leader of the PRC. The conclusions given in the article not only fix the situation that has developed de facto, but also bring us to the scientifically based conclusions about the future of Sino-African relations.

Keywords: China's foreign policy, Africa, dependent development, rating of African countries, Sino-African relations

For citation: Evgeny I. Zelenev, Maria A. Soloshcheva. China in Africa: From *partner countries* to *follower countries*. Part 2. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 14-25 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021323-7

* Окончание. Часть 1 статьи см.: *Азия и Африка сегодня*. 2022, № 7, с. 12-21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2

ВВЕДЕНИЕ

Китайские официальные источники фактически открыто декларируют две важнейшие группы китайских целей в Африке: во-первых, развитие и углубление экономического и финансово-инвестиционного сотрудничества со странами континента; во-вторых, создание особых отношений КНР с отдельными африканскими странами, что позволяет рассматривать их как страны, поддерживающие Китай на различных международных политических площадках, прежде всего, ООН.

Вышеназванные цели КНР в Африке, равно как и китайские национальные интересы в этой части мира, могут быть формализованы в 5 базовых групп факторов, именуемых в статье «измерениями влияния». Авторами составлены 5 сводных статистических таблиц («матриц влияния»), включающих в себя информацию по всем 54 суверенным государствам Африки.

Каждая из этих «матриц влияния» формируется с помощью параметров, корректируемых соответствующими коэффициентами и включенными в интерактивную таблицу, дающую возможность вносить дополнения, уточнения и изменения в их содержание по мере необходимости. Обобщенные в 5 матрицах влияния сведения подвергаются следующему уровню анализа в рамках т.н. Генеральной матрицы влияния (см. табл. 5), которая выстраивает африканские страны по степени важности для КНР.

Первое место, которое занимает Геополитическая матрица влияния (см. Часть 1), соответствует приоритетному месту геополитического измерения во внешней политике КНР последних 15 лет. Наряду с геополитическим измерением, анализ которого был осуществлён в **части 1** статьи, в ее 2-й части авторы рассматривают четыре других измерения: торгово-экономическое, финансово-инвестиционное, военное и культурно-идеологическое измерения влияния.

Результаты вычислений и полученные на их основе выводы позволяют, на наш взгляд, с уверенностью говорить, что китайская внешнеполитическая доктрина в отношении Африки носит panaфриканский характер и может быть осмыслена на основе не только умозрительных заключений, но и эмпирического анализа статистических данных и иных фактических сведений, представленных в соответствующих матрицах влияния.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

В 2020 г. суммарный товарооборот КНР со странами Африки превысил \$187,94 млрд, или, как и в предыдущие годы, менее 5% от общего товарооборота КНР¹, и играет далеко не первостепенную роль в современной китайской экономике.

Китай не спешит форсировать экономическое сотрудничество с Африкой, удовлетворяясь имеющимся уровнем и постепенно наращивая инфраструктурный потенциал, прежде всего, в таких сферах, как логистика, военное и военно-техническое сотрудничество (увеличение количества пунктов обслуживания ВМС НОАК, создание новых портов и аэропортов, соединение ключевых геополитических пунктов системой временных железных и шоссейных дорог, строительство электростанций и т.п.).

Ключевые партнеры КНР в Африке по такому показателю, как **совокупный объем торговли**, - ЮАР, Ангола и Нигерия, доля которых от общего объема китайской торговли со странами континента составляет 20,35%, 12,4 и 9,23%, соответственно.

Степень зависимости африканских стран от Китая можно охарактеризовать, определив долю КНР в экспорте из страны. Так, в КНР уходит более 95% всех товаров из Южного Судана, 2-е место по этому показателю занимает Конго (>62%), 3-е - Эритрея (>60%).

С ЮАР и Анголой Китай имеет стабильно отрицательное сальдо торгового баланса, в котором профицит африканских стран составляет \$9,4 млрд и \$21,78 млрд по данным за 2019 г., соответственно². В 2004 г. Анголе был предоставлен первый кредит КНР для торговых операций с Китаем, с 2005 по 2014 гг. она занимала 2-е место после Саудовской Аравии по экспорту нефти в КНР, уступив в 2015 г. 2-е место РФ и в 2019 г. (уже 3-е место) - Ираку. Китай не только покупает у Анголы нефть, но силами компании *Sinopet*, объединившейся с ангольской *Sonango* в совместную SSI, занимается добычей, переработкой и разведкой шельфовой нефти.

¹ В 2016-2020 гг. товарооборот между Китаем и Африкой составлял 4,04, 4,15, 4,42, 4,57 и 4,04% общего товарооборота Китая, соответственно (прим. авт.).

² Отрицательный профицит торгового баланса КНР с Анголой больше, чем совокупный объем товарооборота РФ со всеми странами Африки, вместе взятыми, который составил менее \$15 млрд в 2020 г. и немногим превышал \$20 млрд в доковидный 2019 г. (прим. авт.).

Кроме ЮАР и Анголы, у КНР хронически отрицательное сальдо торгового баланса со следующими африканскими странами: ДР Конго, Конго, Ливия, Замбия, Габон, Гвинея, Экваториальная Гвинея, Южный Судан, Зимбабве, Намибия, Эритрея и, в незначительных абсолютных цифрах, Чад и ЦАР (\$173,6 млн и \$10,5 млн за 2019 г., соответственно). Очевидным образом профицит торговли стран Африки с Китаем связан с наличием в этих странах природных ресурсов. Эта группа стран более остальных заинтересована в сохранении партнерских отношений с КНР.

К зависимым от торговли с КНР странам добавим те, у которых, наряду с Южным Суданом, Конго и Эритреей, экспорт в КНР составляет высокую долю общего объема экспорта. Более 50% всех вывозимых товаров экспортируют в Китай Ангола и ДР Конго, более 40% - Габон, более 30% - Чад, Экваториальная Гвинея и Мавритания.

Как уже отмечалось выше, интерес Китая к странам может быть определен такими показателями, как **профицит** этой страны в торговле с КНР, который в большинстве случаев можно интерпретировать как наличие в данной стране дефицитных для Китая ресурсов. С другой стороны, наличие торгового профицита африканской страны может отражать желание КНР помочь этой стране решить ее внутриэкономические задачи (Ангола, Судан, Южный Судан и др.).

Весьма часто определить, какая из двух интерпретаций применительно к конкретной африканской стране более правильная, бывает либо сложно, либо в принципе невозможно. Поэтому авторы статьи предлагают рассматривать наличие профицита в торговле с Китаем как указатель на особые, более высокого уровня, торгово-экономические отношения данной страны с КНР. Для африканских стран, имеющих профицит в торговле с Китаем, в Матрице торгово-экономического влияния вводится специальный коэффициент (1,2), повышающий значение данной страны в рейтинге влияния для КНР.

В рамках Торгово-экономического измерения влияния (см. *табл. 1*) важную роль играют показатели **торговли углеводородами**.

Безусловным приоритетом со стороны КНР пользуется группа африканских государств-экспортеров нефти: Нигерия, Ангола, Алжир, Ливия, Конго, Гана, Габон, Экваториальная Гвинея, Камерун, Чад, ДР Конго, Египет, Южный Судан, Судан, Кот-д'Ивуар, Тунис, ЮАР и Уганда. Наряду с нефтью, важное сырье, в котором заинтересован Китай, - это природный газ, который экспортируют Алжир, Нигерия, Ангола, Ливия, Экваториальная Гвинея, Египет, Камерун, Мозамбик, а также ЮАР, Конго и Танзания. Нефте- и газоэкспортирующие страны, особенно те из них, которые обладают обоими видами ресурсов, считаются КНР потенциально важными партнерами.

Особое отношение КНР к группе стран-экспортеров нефти и газа отражено в Матрице торгово-экономического измерения влияния (см. *табл. 1*), где помещен рейтинг этих африканских стран по мере уменьшения объема поставляемых ими в Китай углеводородов.

Имеется и другой интерпретационный ракурс рассмотрения китайско-африканских торговых отношений. Речь идет о странах Африки, доля которых в китайском импорте по целому ряду наименований **товаров, не относящихся к углеводородам**, согласно официальной статистике, составляет более 50%, иногда приближаясь к 100% всего китайского импорта. Принимая во внимание, что Китай старается соблюдать баланс в торговле с регионами и странами мира, максимально диверсифицируя свой импорт, приходим к выводу, что данный показатель будет свидетельствовать о большой заинтересованности Китая в сотрудничестве с такими странами.

Большое значение в поставке Китаю дефицитных неуглеводородных ресурсных товаров имеют (в порядке уменьшения объема китайской торговли этими товарами): ЮАР, ДР Конго, Мадагаскар, Замбия, Мозамбик, Гвинея, Намибия, Ангола, Нигерия, Зимбабве, Гана, а также Танзания, Сьерра Леоне, Габон, Эфиопия и Джибути.³

В Матрице (см. *табл. 1*) этой группе стран нами присвоен повышающий коэффициент (от 1,1 до 1,5 в зависимости от доли поставок этих товаров из африканской страны в импорте КНР). Учтены также следующие параметры вовлеченности африканских стран в торгово-экономические отношения с КНР: объем экспорта, импорта и совокупный объем торговли африканских стран с КНР; доля китайских товаров в совокупном импорте африканских стран и доля вывозимых в Китай товаров от совокупного экспорта африканских стран; объем импорта Китаем углеводородов из африканских стран.

Отдельная группа повышающих коэффициентов отражает наличие высокой доли ресурсных товаров африканских стран в китайском импорте: для стран, товары которых имеют долю в импорте КНР более 90% - 1,5; от 70 до 89% - 1,4; от 50 до 69% - 1,3; от 30 до 49% - 1,2; от 10 до 29% - 1,1.

³ UN Comtrade. <https://comtrade.un.org/data/> (accessed 24.02.2022)

Таблица 1. Матрица торгово-экономического влияния
Table 1. Matrix of trade and economic impact

Страны	Параметры сравнения									Коэффици- енты		Итоговое место в рейтинге
	1				2			3		1	2	
	Совокупный объем торговли каждой из стран с КНР, \$ млн, 2019 г.				Экспортно- импортное изме- рение влияния			Торгово- ресурсное измерение влияния (угле- водороды)		Наличие профицита торговли с Китаем более \$1 млрд	Наличие ресурсных товаров, имеющих высокую долю в импорте КНР	
	Импорт из КНР, \$млн	Экспорт в КНР, \$млн	Совокупный объем торговли каждой из стран с КНР, \$ млн	Место в рейтинге	Доля китайских товаров в совокупном импорте, %, 2019	Доля вывозимых в Китай товаров от совокупного экспорта, %, 2019	Место в рейтинге	Объем импорта Китаем ресурсов (энергоносителей)	Место в рейтинге			
Северная Африка												
Ливия	2451,6	4816,5	7268,1	7	15,92	15,37	19	4766	3	1,2	1	8
Восточная Африка												
Замбия	970,4	3264,5	4234,9	13	14,11	16,53	23	0	18	1,2	1,3	10
Южный Судан	122,2	1533,2	1655,4	28	20,21	95,58	3	1511	8	1,2	1	9
Центральная Африка												
Ангола	2055,7	23837,4	25893	2	14,53	57,47	12	23257	1	1,2	1	1
Габон	377,3	4646,7	5023,9	11	16,25	44,36	8	3454	4	1,2	1,1	4
ДР Конго	2076,8	4429,2	6506	9	26,93	50,83	1	413	13	1,2	1,5	2
Конго	435,1	6102,2	6537,3	8	11,43	62,68	16	5561	2	1,2	1	6
Южная Африка												
ЮАР	16542,9	25948,9	42492	1	18,77	9,15	11	18	16	1,2	1,4	3
Западная Африка												
Гана	4903,3	2576,4	7479,7	6	18,16	16,75	7	1807	6	1	1	5
Нигерия	16622,6	2656,4	19279	3	25,46	3,11	16	2399	5	1	1	7

Составлено по: 中国统计年鉴2021 (Statistical Yearbook of China 2021) (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/j/2021/indexch.htm> (accessed 15.03.2022); UN Comtrade...

ФИНАНСОВО-ИНВЕСТИЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

С точки зрения вложения ПИИ, приоритетными для Китая остаются страны Азии - более 70%, Латинской Америки - более 10%, Северная Америка и Европа - более чем по 6%. Накопленные ПИИ из КНР в Африку (по данным 2020 г.) составили 1,68% от всех китайских зарубежных инвестиций. Только в 2018 г. Африка ушла с последнего места по этому показателю, уступив его Океании (1,5% от общего объема ПИИ КНР).

Абсолютное большинство стран Африки - реципиенты китайских ПИИ, однако африканский регион, как сказано выше, не является для КНР приоритетным в этом вопросе. Китай способен выделять гораздо больший объем ПИИ в Африку, однако воздерживается от этого, так что обвинять КНР в финансово-инвестиционной оккупации Африки было бы преувеличением. Что действительно может вызывать и вызывает опасения конкурентов КНР в этой части мира - это огромный финансово-инвестиционный потенциал Китая, который при необходимости может быть направлен на африканские проекты.

На сегодняшний день для осуществления финансово-инвестиционной деятельности Китай использует следующие институты: Министерство коммерции, прежде всего Департамент по предоставлению помощи за рубежом, которое выделяет беспроцентные займы и предоставляет гранты; Китайский экспортно-им-

портный банк; Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества; Китайский банк развития; Китайско-африканский фонд развития; Банк Китая; Китайский строительный банк; Китайский индустриально-коммерческий банк. С 2000 по 2019 гг. общая сумма выданных этими структурами «африканских» кредитов достигла \$151 млрд⁴.

Приоритетные направления финансовых вложений КНР в Африку, как отмечалось выше, - инфраструктура и добыча полезных ископаемых (см. *диагр.*).

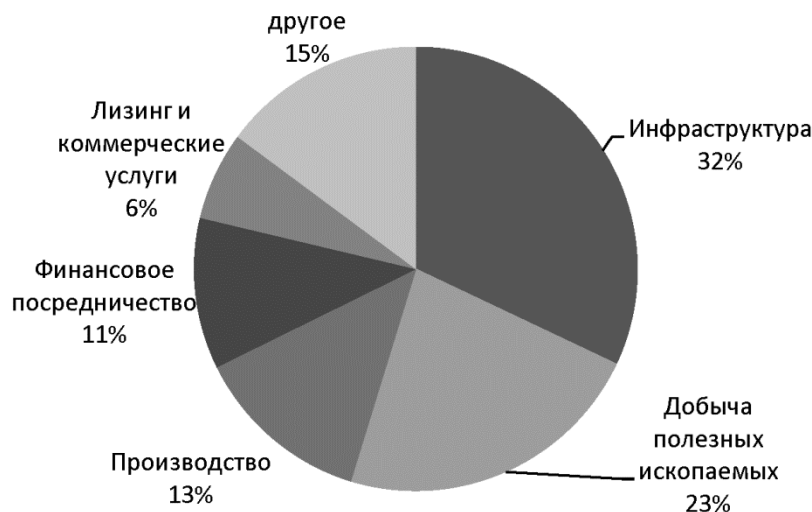

Диаграмма. Секторы инвестирования КНР в Африку.

Chart. China's investments sectors in Africa.

Составлено по: 中国统计年鉴2021 (Statistical Yearbook of China 2021)...

Главные получатели китайских ПИИ в Африке - ЮАР (\$7,73 млрд - 16,8% совокупных накопленных китайских инвестиций в Африку), ДР Конго (\$3,96 млрд - 8,6%), Замбия (\$3,43 млрд - 7,45%), Нигерия (\$2,96 млрд - 6,44%), Кения (\$2,42 млрд - 5,25%), Эфиопия (\$2,27 млрд - 4,93%), Алжир (\$2,06 млрд - 4,48%), Ангола (\$2,04 млрд - 4,44%), Зимбабве (\$1,6 млрд - 3,48%) и Гана (\$1,55 млрд - 3,37%)⁵.

Только за последние 7 лет КНР дважды - в 2015 и 2019 гг. - заявляла о создании 60-миллиардных фондов сотрудничества со странами Африки для использования этих средств с целью финансирования китайской экономической деятельности на Черном континенте. Последний фонд, созданный по итогам Форума Китай-Африка 2018 г., имеет следующую структуру: \$15 млрд - гранты, беспроцентные и льготные кредиты; \$20 млрд - кредитные линии; \$10 млрд - на нужды Китайско-африканского фонда финансирования развития; \$5 млрд - поддержка импорта африканских товаров [2].

По сумме займов, полученных с 2000 по 2019 гг., лидируют Ангола (27,8%) и Эфиопия (8,95%), большую долю займов получили Замбия (6,42%), Кения (5,98%), Нигерия (4,39%), Камерун (4,04%), Судан (4,02%), Конго (3,51%), Египет (3,44%) и Гана (3,14%)⁶.

К исходу второго десятилетия XXI в. в Африке появились государства, чей долг Китаю составляет значительную долю их ВВП. Рекордсмен по этому показателю - Джибути, долг которого близок к 50% годового ВВП страны. 38% своего ВВП должна Китаю Ангола. Конго и Замбия должны суммы, превышающие 20% их ВВП. Это очевидно свидетельствует о зависимости указанных стран от Китая. В Матрице (см. *табл. 2*) финансово-инвестиционного влияния отражено процентное соотношение долга Китаю к ВВП страны. Кроме этого, Матрица включает следующие параметры: балансовая стоимость ПИИ в страны Африки; сумма займов, выданных КНР африканским странам; доход КНР от строительных проектов в африканских странах; долг африканских стран КНР.

⁴ Значительная часть информации о реальных объемах ПИИ подпадает под классификацию «коммерческой тайны», нет четких границ между «государственными» и «частными» инвестициями, идущими на конкретные цели в африканских странах, наконец, «круговая модель функционирования капитала» между материковым Китаем и гонконгским офшором затрудняет определение реальных ПИИ из Китая в Африку. Например, в 2017 г. 75% ПИИ и 90% инвестиций в финансовый сектор были направлены через офшоры Гонконга. См. [1].

⁵ 中国统计年鉴2021 (Statistical Yearbook of China 2021)...

⁶ Loan Data / China-Africa research Initiative, 17.07.2020. <http://www.saiscari.org/data> (accessed 28.04.2022)

Таблица 2. Матрица финансово-инвестиционного влияния
Table 2. Matrix of financial and investment impact

Страны	Параметры сравнения										Итоговое место в рейтинге
	1		2		3		4		5		
	Балансовая стоимость ПИИ, 2019 г., \$млн	Место в рейтинге	Сумма займов за 2000-2019 гг., \$млн	Место в рейтинге	Доход КНР от строительных проектов в странах/регионах, 2015-2019 гг., \$млн	Место в рейтинге	Долг Китаю, \$млрд	Место в рейтинге	Долг Китаю, отношение к ВВП страны, %	Место в рейтинге	
Восточная Африка											
Замбия	2863,79	4	9848	3	2233,23	6	3,77	5	20,41	4	3
Кения	1624,23	10	9175	4	4128,59	4	7,396	3	7,49	12	4
Мозамбик	1146,75	14	2293	17	1086,84	14	1,893	13	13,31	5	8
Уганда	669,94	18	3125	13	1860,57	8	2,606	10	7,82	9	7
Эфиопия	2558,87	5	13729	2	4523,91	3	7,932	2	8,5	8	2
Центральная Африка											
Ангола	2890,73	3	42619	1	4677,4	2	22,454	1	38	2	1
Камерун	303,9	26	6202	7	1494,91	9	3,834	4	9,5	7	5-6
Конго	609,84	20	5390	8	1347,77	11	2,526	11	25,13	3	5-6
Западная Африка											
Гана	1831,29	7	4811	10	1117,67	13	1,879	14	2,75	23	10
Нигерия	2194	6	6732	6	3568,29	5	3,404	7	0,79	40	9

Составлено по: 中国统计年鉴2021 (Statistical Yearbook of China 2021); UN Comtrade...

ВОЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

КНР уже несколько лет (с 2013 г.) наращивает свой военный потенциал в Африке, хотя делает это крайне осторожно, подчеркивая, что свое политическое влияние на африканском континенте она укрепляет с помощью доктрины «мягкой силы» [3]. Основными инструментами в рамках доктрины «мягкой силы» на сегодняшний день выступают торговля и инвестиции, тогда как военный потенциал необходим исключительно для защиты собственных экономических интересов и предотвращения террористических атак [4].

По совокупному количеству военнослужащих в странах Африки, включая контингент китайской военной базы в Джибути и контингент ООН, а также служащих частных военных и охранных компаний, китайский военный контингент на Черном континенте приближается к 6 тыс. человек. По некоторым оценкам, он уже достиг численности американского военного контингента в Африке и даже может его превосходить, что, впрочем, не имеет достаточно достоверной доказательной базы. Так или иначе, КНР сегодня входит в тройку самых влиятельных внешних военно-политических игроков в Африке наряду с США и Францией.

Усиление китайского военного присутствия в Африке подтверждается, во-первых, открытием в Джибути в 2017 г. первой китайской военной базы и последующим стремительным наращиванием ее военно-технического и инфраструктурного потенциала; во-вторых, вынесением в качестве главных тем китайско-африканского сотрудничества вопросов государственной безопасности на состоявшемся в 2019 г. первом китайско-африканском форуме мира и безопасности, в работе которого приняли участие представители 50 африканских государств, в т.ч. 15 министров обороны и начальников генеральных штабов [5]; в-третьих, усилением вовлеченности Китая в решение проблем миротворчества в составе сил ООН; в-четвертых, наличием практических не поддающегося статистическому учету контингента служащих китайских частных военных и охранных компаний, сопоставимого с численностью военнослужащих китайской военной базы в Джибути⁷.

⁷ Подробнее о деятельности китайских ЧОП в Африке см. [6].

К 2020 г. китайские военнослужащие приняли участие в 18 миротворческих операциях ООН в Африке, в которых проходили службу более 32 тыс. военнослужащих КНР. К началу 2022 г. в составе миротворческих миссий на континенте проходят службу до 2 тыс. китайских военных, которые дислоцированы в ДР Конго, Мали и Южном Судане. Крупные китайские военные миссии на постоянной основе действуют в Эфиопии и Кот-д'Ивуаре. Свое участие в операциях ООН Китай объясняет необходимостью «брать на себя ответственность державы» за сохранение мира и создание «сообщества единой судьбы человечества»⁸.

Таблица 3. Матрица военного влияния
Table 3. Matrix of military impact

Страны	Параметры сравнения									Коэффици- енты		Итоговое место в рейтинге
	1		2		3			4		1	2	
	Пункты обслужива- ния ВМС НОАК	Место в рейтинге	Закупка вооружения в 2001-2020 гг., млн \$	Место в рейтинге	Годы участия в миротворческих операциях	Военный контин- гент на территории страны, декабрь 2021 г.	Место в рейтинге	Количество ЧОК, действующих на территории страны	Место в рейтинге	Наличие военной базы	Наличие предстали- тельств ЧОК	
Северная Африка												
Судан		11	375,682	4	2005- 2011; 2007- 2020		5	1	11	1	1	5
Восточная Африка												
Джибути	Многофункцио- нальный	1	0	49		8000 (воен- ная ба- за)	1	1	11	5	1	1
Замбия		11	244,859	6			13	1	11	1	1	8
Кения	Универсальный	5	389,388	3			13	5	2	1	1,3	2
Уганда		11	33,821	12			13	2	6	1	1	9
Эфиопия		11	87,263	8			13	2	6	1	1	6
Центральная Африка												
Ангола	Универсальный	5	14,545	19			13	1	11	1	1,1	10
Южная Африка												
ЮАР		11	43,363	9			13	6	1	1	1,5	3
Западная Африка												
Гана		11	236,349	7			13	1	11	1	1,1	7
Нигерия		11	980,087	1			13	4	3	1	1	4

Составлено по: United Nations Peacekeeping Operations, Special Political Missions and Other Political Presences, 2022. <https://www.unmissions.org/> (accessed 15.03.2022); UN Comtrade...; данные официальных сайтов китайских частных охранных компаний.

Важным компонентом военного измерения влияния является **торговля вооружением**. Информация об этом виде деятельности, бывает порой труднодоступна: не все страны декларируют закупку и продажу оружия и военной техники. Согласно данным *UN Comtrade*, африканские страны за последние 20 лет задекларировали поставку оружия и военной техники из КНР на сумму \$3,38 млрд, тогда как сама КНР оценила эти поставки на существенно меньшую сумму. Бывают случаи срыва поставок вооружений по независящим от страны-экспортера причинам. Например, во время кризиса в Зимбабве в 2008 г. китайское оружие для этой страны было задержано в порту ЮАР. Причиной тому стала острая критика на площадках ООН

⁸ China's Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations (In Chin.). <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm> (accessed 30.04.2022)

репрессивной политики президента Зимбабве Роберта Мугабе. Резолюция ООН по этому вопросу была заблокирована Китаем и Россией (хотя президент РФ Медведев и подписал ранее аналогичное заявление «Большой восьмерки»), но китайский корабль с вооружением был вынужден вернуться домой [7, 8].

Развитие логистических и инфраструктурных проектов КНР в Африке также играет важную роль в военном измерении влияния. Так, **логистическая система стационарного обеспечения ВМС НОАК** включает в себя порты трех категорий: специализированные (материально-техническое обеспечение) - в Накале (Мозамбик), Виктории (Сейшельские о-ва), Анцеранане (Мадагаскар); универсальные (пополнение запасов, кроме вооружения, отдых экипажа, стоянки кораблей и судов) - в Момбасе (Кения), Дар-эс-Саламе (Танзания); многофункциональные (возможно пополнение запасов вооружения, обслуживание вооружения) - в Джибути.

Один из важнейших транспортных узлов, созданных КНР в Африке, расположен в Джибути. Наряду с военной базой, здесь силами китайских компаний строятся два гражданских торговых порта, способных принимать суда практически любого водоизмещения и назначения, строится крупный аэропорт и район для обслуживающего персонала, приезжающего из Китая. По разным оценкам, на базе расквартировано от 2 до 3 тыс. китайских военнослужащих, при этом численность китайских военных на базе, согласно китайско-джибутийскому договору, может быть доведена до 8 тыс. человек.

В Матрицу военного измерения (см. табл. 3) влияния включены: наличие в африканских странах пунктов обслуживания ВМС НОАК; объем совокупной торговли оружием и военной техникой африканских стран с КНР; количество китайских военнослужащих на территории африканских стран; количество действующих на территории африканских стран китайских частных охранных компаний (ЧОК).

В этой Матрице введен повышающий коэффициент для стран, имеющих на своей территории представительства китайских ЧОК - от 1,5 до 1,1 - в зависимости от количества представительств. Повышающий коэффициент 5 применен к Джибути ввиду наличия на его территории китайской военной базы, имеющей исключительно важное значение в военной политике КНР.

По совокупности критериев военного сотрудничества, складывается следующий список приоритетных в военном отношении партнеров Китая - Джибути, Кения, ЮАР, Нигерия и Судан. Кроме них, отношения в военной сфере развиваются с Эфиопией, Ганой, Замбией, Угандой, Анголой и, с некоторой оговоркой, с Мали, Зимбабве, Мадагаскаром, ДР Конго и Мозамбиком.

КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

Культурно-идеологическое измерение влияния в определенном смысле носит характер индикатора, указывающего на качество китайско-африканских отношений.

Дело в том, что китайская политика *мягкой силы* опирается на ряд серьезных глобальных, а также некоторое число локальных гуманитарных проектов.

Речь идет о таких сферах, как информационные технологии и создание благоприятной информационной среды для китайской деятельности в Африке, о развертывании сети корпунктов крупнейших китайских информационных агентств и обусловленную этим плотную сеть радио- и телевещания на африканские страны, о создании сети мобильных операторов, которая взаимодействует с интернет-операторами, создавая альтернативное уже имеющемуся китайское информационное пространство. В китайском информационном пространстве как технические средства его обеспечения, так и контент этого пространства в значительной степени продиктованы китайскими геополитическими и иными интересами в регионе Африки.

Формальными показателями развитых отношений Китая с иностранными государствами на культурно-идеологическом уровне служит наличие китайских культурно-просветительских центров - Институтов и Классов Конфуция, действующих под контролем Китайского международного образовательного фонда⁹. Другим показателем китайского влияния в Африке служит рост числа представительств трех СМИ из китайской «большой четверки» - информационного агентства *Синьхуа*, телевизионной сети *CCTV* и *China Radio International (CRI)*¹⁰. Четвертый информационный гигант Китая - газета «*China Daily*» - производит свою печатную продукцию (газету «*Africa Weekly*») в Найроби (Кения), и уже оттуда распространяет ее по всему континенту¹¹. Деятельность вышеназванных учреждений явно свидетельствует о наращивании *мягкой силы* в регионах Африки.

⁹ Дословно с китайского языка название фонда переводится как «Китайский международный фонд образования на китайском языке» (中国国际中文教育基金), в переводе на англ. яз. - *China International Education Foundation* (прим. авт.).

¹⁰ Кроме европейских языков, *CRI* ведет также вещание на суахили (причем с 1960 г.) и на хауса. Имеет дочерние зарубежные радиостанции и радиошколы, интернет-радиоканалы, а также сотрудничает с более чем 160 радиостанциями мира. Основанная в 2011 г., *China International Broadcasting Network (CIBN)* - её дочерняя структура (прим. авт.).

¹¹ Подробнее см. [9].

Институты Конфуция (ИК) присутствуют в 46 странах (всего 62 Института), в т.ч. в 9 странах (Египет, Марокко, Кения, Мадагаскар, Танзания, Эфиопия, ЮАР, Гана и Нигерия) базируются два и более ИК. Лидер по количеству ИК в одной стране - ЮАР, где находится 6 ИК, в Кении - 4, в Марокко - 3 ИК.

Представительства и корпункты китайского государственного информационного агентства Синьхуа есть в 46 африканских странах. Они имеются во всех странах Северной Африки, причем в Египте оно является центральным во всем ближневосточном регионе.

В Африке южнее Сахары главное представительство располагается в столице Кении - Найроби. В Восточной Африке представительства и корпункты Синьхуа есть в 15 странах из 18, они охватывают своим влиянием 93,7% населения региона. В Южной части континента - в 3 странах из 5 - Ботсвана, Лесото и ЮАР (94,5% населения региона). В Центральной Африке - во всех странах, кроме ЦАР (97,3% населения региона). На Западе Африки - в 14 из 16 стран (91,6% населения региона), отсутствуя только в Гвинее и Мали.

Население Южной Африки охвачено китайским официальным радио- или телевидением на 91%, Восточной - на 89%, Северной - на 82%, Западной - на 78%, Центральной - на 3,2%.

Ведущими партнерами в области культурно-идеологического сотрудничества стран Африки с КНР являются Кения, Египет, Эфиопия, ЮАР, Гана и Нигерия. К странам, играющим важную роль в распространении мягкой силы КНР в Африке, также отнесем по формальным признакам Марокко, Зимбабве, Мадагаскар, Танзанию, Уганду и, в чуть меньшей степени, - Алжир, Замбию, Камерун, Тунис и Сенегал. Не исключены из сферы культурно-идеологического влияния Китая также Того, Мавритания, Либерия, Кот-д'Ивуар, ДР Конго, Гвинея, Габон, Ангола, Мозамбик, Малави и Судан.

Таблица 4. Матрица культурно-идеологического влияния
Table 4. Matrix of cultural and ideological impact

Страны	Параметры сравнения												Коэффициенты				Итоговое место в рейтинге	
		1		2		3		4		5		6		1	2	3		4
	Количество Институтов Конфуция	Количество Классов Конфуция	Место в рейтинге	Наличие представительства ИА Синьхуа	Место в рейтинге	Сотрудничество с CCTV	Место в рейтинге	CRI FM вещание или вещание на африканских языках	Место в рейтинге	Наличие филиалов Huawei	Место в рейтинге	Сотрудничество с ZTE Corporation	Место в рейтинге	Головной офис Синьхуа	Головной офис CCTV	Головной офис China Daily		Вещание на хауса и суахили
Северная Африка																		
Египет	2	3	2	+	1	+	1		15	+	1	+	1	1,5	1	1		4
Марокко	3		4	+	1		11		15	+	1	+	1	1	1	1		10
Восточная Африка																		
Кения	4	1	2	+	1	+	1	+	1	+	1	+	1	1,5	1,5	1,5	1	1
Танзания	2	1	4	+	1		11	+	1		13	+	1	1	1	1	1	8-9
Уганда	1		14	+	1	+	1	+	1		13	+	1	1	1	1	1	8-9
Эфиопия	2		6	+	1	+	1		15	+	1	+	1	1	1	1		6
Центральная Африка																		
Камерун	1		14	+	1		11	+	1	+	1	+	1	1	1	1	1	7
Южная Африка																		
ЮАР	6	3	1	+	1	+	1		15	+	1	+	1	1	1	1		5
Западная Африка																		
Гана	2		4	+	1	+	1	+	1	+	1	+	1	1	1	1	1	2-3
Нигерия	2		4	+	1	+	1	+	1	+	1	+	1	1	1	1	1	2-3

Составлено по данным официальных сайтов *Huawei*, *ZTE*, *Xinhua*, *CCTV* и *China International Education Foundation*.

В Матрицу культурно-идеологического измерения влияния (см. табл. 4) включены следующие параметры: количество Институтов и Классов Конфуция; наличие представительств и корпунктов информационного агентства Синьхуа; наличие у африканских стран договоров с CCTV; FM-вещание на африканских языках на территории африканских стран; наличие филиалов *Huawei* и филиалов *ZTE Corporation*.

В Матрице применены повышающие коэффициенты (1,5) для стран, в которых располагаются головные офисы Синьхуа, CCTV и «China Daily».

Поскольку культурно-идеологическое влияние КНР в Африке носит тотальный характер, охватывая практически весь континент, а методы и средства этой политики имеют стереотипный характер, это отражается в соответствующей Матрице: ряд позиций по культурно-идеологическому измерению влияния занимают сразу два и более государства (2-е, 8-е, 14-е и 18-е места в рейтинге).

ИТОГОВЫЙ РЕЙТИНГ ВЛИЯНИЯ

В табл. 5 представлена Генеральная матрица влияния, в которой объединена информация по 5-ти матрицам влияния (геополитической, торгово-экономической, финансово-инвестиционной, военной и культурно-идеологической).

Таблица 5. Генеральная матрица влияния
Table 5. General Matrix of impact

Страны	Геополитическое измерение влияния	Торгово-экономическое измерение влияния	Финансово-инвестиционное измерение влияния	Военное измерение влияния	Культурно-идеологическое измерение влияния	Итоговый рейтинг
Северная Африка						
Египет	3	17	13	16	4	7
Судан	12	11	17	5	35	12
Восточная Африка						
Замбия	17	10	3	8	16	8
Зимбабве	13	33	18	12	14-15	15
Кения	4	15	4	2	1	2
Мозамбик	18	22	8	15	18-27	13-14
Танзания	7	17	11	18	8-9	10
Уганда	19	38	7	9	8-9	13-14
Эфиопия	9	13	2	6	6	5-6
Центральная Африка						
Ангола	6	1	1	10	18-27	5-6
ДР Конго	10	2	16	14	18-27	9
Камерун	16	13	5-6	32	7	11
Южная Африка						
ЮАР	2	3	15	3	5	3
Западная Африка						
Гана	11	5	10	7	2-3	4
Нигерия	1	7	9	4	2-3	1

Составлено авторами.

В соответствии с приведенными в табл. 5 сводными данными, группа приоритетных для КНР стран Африки выглядит следующим образом: Нигерия, Кения, ЮАР, Гана, Ангола и Эфиопия (5-е - 6-е места), Египет, Замбия, ДР Конго и Танзания.

За пределами текста статьи по нижеследующей ссылке¹² любой читатель может получить доступ к интерактивным таблицам, часть из которых фрагментарно приведена в данной статье.

¹² Зеленев Е.И., Солощева М.А. Генеральная матрица влияния. <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1687TFL48LQRSBPQ10IEMTynNQ6EsLHdO3MkDtTfY/edit> (accessed 30.05.2022)

Получив доступ к этим таблицам в интернет-пространстве, заинтересованное лицо может попробовать, во-первых, провести собственные вычисления и проверить те из них, которые легли в основу выводов нашей статьи. Во-вторых, при обращении к авторам статьи, читателю может быть предоставлен доступ к инструменту, позволяющему менять коэффициенты в зависимости от приоритетных задач исследования и получать скорректированные в соответствии с интересами исследователя результаты.

Иными словами, предложенный в Генеральной матрице влияния рейтинг на самом деле является лишь одной из возможных его версий. Рассматривая под этим углом зрения контент статьи и ее выводы, авторы предлагают воспринимать их не как безусловный и однозначный конечный результат, а как определенный этап формирования более сложных инструментов научного исследования на основе собранной и постоянно пополняющейся базы данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если допустить, что 5 примененных в статье измерений влияния имеют для политики КНР одинаковый вес, то среди первых 20 стран рейтинга наибольшее количество стран будет относиться к Восточной Африке (Кения, Эфиопия, Замбия, Танзания, Зимбабве, Мозамбик, Уганда и Мадагаскар). В остальных регионах Африки приоритетными являются: в Западной Африке - Нигерия и Гана (1-е и 4-е место), далее - Кот-д'Ивуар и Сенегал (19-е и 20-е). Из государств Южной Африки в число стран первых двух десятков рейтинга входит только ЮАР, причем на высоком, 3-ем месте, из стран Центральной Африки - Ангола (5-е - 6-е место), ДР Конго (9-е), Камерун (11-е) и Конго (17-е место). Из стран Северной Африки в первую 20 рейтинга входят: Египет (7-е место), Судан (12-е), Марокко (16-е) и Алжир (18-е место).

В последние годы приоритетное место в китайских планах освоения Африки занимает геополитический блок Джибути-Кения-Эфиопия-Судан и примыкающий к ним Южный Судан, в общем рейтинге находящийся в конце четвертой десятки рейтинга африканских стран.

Другой важный геополитический блок - Ангола-Замбия-Мозамбик - представляет собой геополитическую ось, разделяющую Южную и Центральную Африку и соединяющую африканские побережья Атлантического и Индийского океанов.

На восточном африканском побережье до недавнего времени сравнительно слабо охваченной китайским влиянием оставалась Танзания. К сегодняшнему моменту там также активизировалась работа по подключению этого государства к китайским стратегическим инициативам¹³.

На атлантическом побережье Африки китайские позиции сильны в Нигерии, Гане, Анголе, ДР Конго, Камеруне, Конго и с большим отрывом - в Кот-д'Ивуаре и Сенегале. *Страны-последователи* КНР располагаются вдоль всего западного побережья Африки, а с учетом двух государств-партнеров (ЮАР на юге и Марокко на севере), тезис о неосвоенности Китаем атлантического побережья оказывается несостоятельным.

Вторгаясь в регион, где до этого господствовали страны условного Запада во главе с США, КНР оказывается втянута в финансово затратную конкуренцию, которая в перспективе может перейти в состояние экономической войны, не исключая также риск вооруженного столкновения с конкурентами. Готовясь к возможным политическим кризисам, Китай выстраивает со многими странами африканского континента отношения по типу *страна-лидер* и *страна-последователь* (в грубо прагматичной форме - кредитор и должник), что дает Китаю дополнительный инструмент воздействия на африканского партнера в кризисных обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая. *Известия Байкальского государственного университета*. 2019, № 2. С. 227-239.
Sizykh E.Yu. Current Trends and Prospects of Direct Foreign Investment Export from China. *Bulletin of Baikal State University*. 2019, № 2, pp. 227-239 (In Russ.).
2. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 3. С. 6-29.
Fituni, L.L. Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa). *Political Processes in the Changing World*, 2019, № 12 (3). Pp. 6-29 (In Russ.).

¹³ 17 апреля 2019 г. Синьхуа объявило об успешно прошедшем однодневном диалоге на высоком уровне по вопросам инвестиций и деловой среды - «Танзания-Китай 2019», открывшем перспективы китайско-танзанийского сотрудничества, прежде всего, в сфере инвестиций и финансов (*прим. авт.*).

3. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии и прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. *Стратегические изыскания*. М. 2019. С. 83-97.
Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts. Ed. by A.D.Voskressenski. *Strategic Research*. Moscow. 2019. Pp. 83-97 (In Russ.).
4. 李庆四, 陈春雨, 试析中国的海外港链基地战略 // 区域与全球发展, 2019年02期123-137页. (Li Qingsi, Chen Chunyu, Analysis of Chinese Overseas Port String Bases Strategy, *Regional and Global Development*. 2019, № 2, pp. 123-137) (In Chin.).
5. Xu Yi. Overview of 1st China-Africa Peace and Security Forum, July 17, 2019. Ministry of National Defence. http://eng.mod.gov.cn/news/2019-07/17/content_4846012.htm (accessed 24.04.2022)
6. Зеленев Е.И., Солощева М.А. Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке: сравнительно-исторический ракурс. *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 157-158.
Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. Military Strategy and Military Presence of the PRC in Africa: a Comparative Historical Analysis. *Comparative Politics*. 2021, № 3. Pp. 142-164 (In Russ.).
7. Alao A. Mugabe and the Politics of Security in Zimbabwe, Montreal: McGill-Queen's University Press, 2012. Pp. 189-190.
8. Thompson R. Assessing the Chinese Influence in Ghana, Angola, and Zimbabwe: The Impact of Politics, Partners, and Petro. Stanford University: Centre for International Security and Cooperation (CISAC), 2012. P. 102.
9. Zhang X.A World of Shared Influence. Zhang, Wasserman and Mano, *China's Media and Soft Power in Africa*. Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 7-11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зеленев Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор, руководитель Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург, Россия.

Evgeny I. Zelenev, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Department of Asian and African Studies, HSE University - St. Petersburg, Russia.

Солощева Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург, Россия.

Maria A. Soloshcheva, PhD (History), Associate Professor, Deputy Head, Department of Asian and African studies, HSE University - St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.04.2022

Принята к публикации
(Accepted) 18.06.2022